

DOI: 10.22363/2312-8313-2025-12-3-417-425

EDN: BJSTQD

Обзорная статья / Review article

Либерализм и фашизм в оценках политологов: проблема генезиса неофашизма

К.В. Блохин

Центр исследования проблем безопасности РАН, Москва, Россия

 Constantinos1@rambler.ru

Аннотация. Проанализированы концепции современных политологов и экономистов о феномене генезиса современного неофашизма. Один из аспектов — проблема либерального транзита. Современный глобализм и либерализм порождают новые формы неофашизма, выступающие в качестве этапа развития либерализма. Неофашизм и либерализм органически обусловлены и семантически близки в идее антропологического (расового) и, следовательно, странового неравенства. Прослежены два контура становления и осуществления неофашизма на современном западе. Внутренний — это кризисные процессы либеральной демократии, которая все более трансформируется в неприкрытое манипулирование обществом. Внешний аспект неофашистских тенденций проявляется в практике неоколониализма, навязывании воли западных стран незападному миру. Рассмотрены исторические предпосылки фашизма, сложившиеся в 1930-е гг. в США. Обозначены ключевые факторы генезиса неофашизма: прогрессирующий рост социального неравенства, деградация институтов политической демократии.

Ключевые слова: капитализм, неолиберализм, глобализм, постмодернизм, антропологическое неравенство

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию 30.03.2025; принята к публикации 29.05.2025.

Для цитирования:

Блохин К.В. Либерализм и фашизм в оценках политологов: проблема генезиса неофашизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12. № 3. С. 417–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-417-425>

© Блохин К.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Liberalism and fascism in political scientists' assessments: the problem of the genesis of neo-fascism

Konstantin V. Blokhin

Center of Security Problems of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation
 constantinosl@rambler.ru

Abstract. The study analyzes the concepts of modern political scientists and economists about the phenomenon of the genesis of modern neo-fascism. One of the aspects of considering the genesis of modern fascism is the problem of liberal transit. Modern globalism and liberalism give rise to new forms of neo-fascism, which acts as a moment and stage of development of liberalism. Neo-fascism and liberalism are organically conditioned and semantically close in the idea of anthropological (racial), and therefore, country inequality. The study traces two contours of the formation and implementation of neo-fascism in the modern West. Internal — these are the crisis processes of liberal democracy, which is increasingly transformed into blatant manipulation of society. The external aspect of neo-fascist tendencies is manifested in the practice of neo-colonialism, the imposition of the will of Western countries on the non-Western world. The author identifies the key factors in the genesis of neo-fascism: the progressive growth of social inequality, the degradation of institutions of political democracy. The study examines the historical prerequisites for fascism that developed in the 1930s in the United States.

Keywords: Keywords: capitalism, neoliberalism, globalism, postmodernism, anthropological inequality

Acknowledgements. The research was supported by the state assignment of The Center of Security Problems of Russian Academy of Science.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 30.03.2025. The article was accepted on 29.05.2025.

For citation:

Blokhin KV. Liberalism and fascism in political scientists' assessments: the problem of the genesis of neo-fascism. *RUDN Journal of Public Administration*. 2025;12(3):417–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-3-417-425>

Введение

Первая четверть XXI в. ознаменовалась усилением конфронтации между Россией и странами Запада. Американские политологи преподносят эту напряженность как борьбу западных либеральных демократий против реваншистских авторитарных режимов, мечтающих переформатировать мировой порядок «под себя». Это противостояние «либеральной демократии» авторитаризму, впрочем, имеет отчетливый пропагандистский характер, отличается заведомым упрощением проблемы. Современная политическая реальность Запада намного сложнее — очевидны тенденции трансформации западной демократии, которая все отчетливее становится своей противоположностью. Само понятие «политический», сами механизмы политической жизни как

борьбы за социальные интересы уступают место искусному манипулированию масс, а элиты настолько оторваны от базовых социальных групп, что вопрос о политической репрезентации их интересов вообще не стоит. В условиях информационного общества политический и идеологический контроль становится все более изощренными. Не случайно, что теме генезиса неофашизма сегодня обращаются известные политологи. Так, Иммануил Валлерстайн предрекает появление «демократического фашизма», новой модификации фашизма, кастоподобного мира, «верхний слой которого включал бы, возможно, пятую часть мирового населения» [1. С. 297].

Результаты

Современный французский социолог Эрик Фассин констатирует наступление неофашизма. «Сегодня мы сталкиваемся со знакомыми чертами исторического фашизма — такими как расизм и ксенофобия, конечно, но также и со стиранием границ между правыми и левыми, увлеченностью харизматичными лидерами и прославлением нации, неприятием элит и прославлением масс, презрением к верховенству закона и тягой к насилию, если назвать лишь некоторые из них... Я утверждаю, что имеет смысл говорить о «неофашистском моменте» неолиберализма» [2].

По этой причине обсуждение темы либерального транзита от демократии к фашизму имеет принципиальное значение для определения тех тенденций, которые мы наблюдаем на Западе. Довольно долго в российской политологии считалось, что фашизм является некой тупиковой линией развития, отклонением от общественного прогресса, проявлением социальной патологии. Беспристрастный анализ этого социально-политического и культурного феномена свидетельствует об ошибочности такого воззрения. «Фашизм — вовсе не тупиковая ветвь развития современного общества. В XX веке он был одной из ведущих политических доктрин всемирно-исторического значения... Фашизм — это отличительная черта современности» [3. С. 11], — констатирует М. Манн.

Предложенная им классификация признаков, в сущности, следует традиционным советским формулировкам о фашизме, имея лишь небольшие отличия. Для Манна базовыми чертами являются национализм, состоящий в «преданности идеи целостной нации»; этатизм, проявлявшийся в поклонении государственной власти; трансцендентность, основанная на идее преображения общества вне левых или правых идеологий; чистки, основанные на уничтожении политических противников; парамилитаризм, выступающий в качестве универсального инструмента политики, устрашения врагов и объединения нации [3. С. 28–33].

Такая характеристика Манном фашизма во много оправдана и охватывает типичное в фашистских режимах, однако оказывается ограничено применимой к современности. Мы сегодня наблюдаем за феноменами мирового глобализма, семантически близкого фашизму. Здесь та же самая идея

исключительности нации, расизм, милитаризм проявляются совершенно в других масштабах и опираются на другие инструменты контроля над личностью. Нет сомнения, что сегодня многие параметры фашистских режимом трансформировались, прикрывшись либеральными идеологемами. В этой связи понятно стремление политологов дать расширенное толкование фашизма, дополнить параметры, описывающие фашизм.

С этой точки зрения показательна обстоятельная работа В.Э. Багдасаряна в которой предпринята расширенная систематизация разновидностей современного фашизма. Автор выделяет три идеологические модификации фашизма. «Первый фашизм — постмодернистский. Идеологически экстримизируясь, либерализм трансформировался в неолиберализм. Неолиберальная идеология — это уже идеология не столько либеральная, сколько фашистская. Она утверждает жесткую власть меньшинства. Второй фашизм — религиозно-фундаменталистский. Он в значительной мере вызван к жизни постмодернистским фашизмом и является реакцией на него со стороны традиционного общества. Эта реакция, как видно из последних событий, целевым образом провоцируется. Поток беженцев и мигрантов, направляемых с Ближнего Востока в Европу, делает конфликт практически неизбежным. Третий фашизм — классический нацистский. Как постмодернистский фашизм программирует реакцию джихадистского фашизма, так тот, в свою очередь, провоцирует реакцию фашизма нацистского. Исламизация Европы и теракты становятся катализатором неонацизма. Он объединяется идеей отстоять Европу от чужаков и возрастающими настроениями мигрантофобии среди населения европейских стран. Но неонацизм конфликтен и в отношении постмодернистского фашизма. Ему ставится в вину подрыв национальных традиций и неспособность и нежелание противостоять миграционным вызовам» [4. С. 101].

По мнению В. Багдасаряна, системный признак современного постмодернистского фашизма — антропологическое неравенство, свойственное как либерализму, так и неофашизму. Эта системная характеристика не только воспроизводится исторически, но и объясняет в значительной мере транзит от либерализма к фашизму.

В связи с нашей темой исследования интересен дискурс о постмодернистском фашизме, поскольку он, иницилируемый современными США как авангардом Запада, в нынешних условиях является политически мейнстримным. Без глобализма и его политических последствий едва ли могли проявиться авторитарные, расово-ориентированные в отношении русского населения, полуфашистские режимы в Прибалтике, на Украине, реанимации фашизма в Западной Европе.

В мировоззренческой основе глобализма и формирующегося «нового дивного мира» лежит постмодернистское мировоззрение и практика. Постмодернизм уже в значительной мере обесценивает демократию и ее институты. «Современная эпоха, с одной стороны, открывает новые перспективы для развития, но с другой, — создаются предпосылки для

элитарно-информационного и корпоративистского отчуждения человека от политики. В условиях сохранения нищеты, роста неравенства и нестабильности мировых рынков и финансовых потоков многие сомневаются в том, что „радужные возможности“ глобализации будут реализованы. Другие же озабочены тем, что открытые рынки поставят под угрозу как целостность культур, так и суверенитет государств» [5. С. 154], отмечает Ю.В. Ирхин.

Современная демократия все более напоминает синтез демократических процедур, власти олигархии и авторитаризма [5. С. 154].

Как и всякое общественное явление, фашизм — это следствие накапливаемых общественных деформаций и противоречий, порождаемых меняющейся реальностью. Капитализм XXI в., несмотря на убежденность многих в гармоничности и созидательности прогресса, не только не избежал имманентного ему неравенства, но скорее обострил его до пределов. «Либерализация и глобализация обогатили очень немногих, а остальным принесли стагнацию, незащищенность и нестабильность — появился скептицизм в отношении элит и институтов знаний, из которых они, как считалось, черпали информацию» [6. С. 51].

Особенная глубина падения социального уровня жизни характерна для США, всегда выступавших своеобразным авангардом современного капитализма. «Америка не добилась успехов в росте экономики, зато она преуспела в росте неравенства» [6. С. 68]. Стиглиц, опираясь на статистику, подчеркивает глубину неравенства в США. «С точки зрения неравенства возможностей мы тоже находимся почти у самого дна», — отмечает экономист [6. С. 68]. Количественные параметры различия уровня жизни впечатляют. «В Америке неравенство в имущественном положении еще больше, чем неравенство доходов, — верхний 1 % населения владеет более чем 40 % богатства США, почти в два раза выше доли получаемого дохода» [6. С. 74]. Экономический элитизм, при котором все блага достаются правящему меньшинству, таким образом, является предпосылкой социального неравенства. Сам образ справедливого общества меркнет в современной реальности, разрушая миф о всеобщем достатке.

Показательно, что эта деградация социальной системы — не национальный признак США, а характерная черта всей глобальной экономики. Один из идеологов глобализма, Клаус Шваб вынужден констатировать, что «сегодня медленный рост является нормой, поскольку не увеличивается производительность труда, что служит двигателем экономического подъема. Многие на Западе заняты на низкооплачиваемой работе без каких-либо гарантий и перспектив» [7. С. 36].

«Хотя в теории свободный рынок должен гарантировать максимальную эффективность, на практике он лишь усилил вопиющее неравенство и ускорил распад социальных структур, приведя к широкому распространению нестабильности, обнищанию, массовой миграции и этническим распрям», — отмечает Ли Мартин [8. С. 36].

Капиталистическое процветание для всех, обернутое в либеральную оболочку, без сомнения иллюзорно. Современный капитализм в этом смысле является фактором порождения современного фашизма и праворадикальных движений. «Праворадикальный популизм — результат разложения демократии. Его современный фашистский облик, принимающий неодинаковые формы в различных странах, может существовать только в ситуациях доминирования социальной несправедливости [8. С. 38].

К несомненным факторам генезиса фашизма относится и «органический национализм», сохраненный в культурно-психологической памяти европейских народов. «Некоторые предпосылки возрождения фашизма живы и по сей день. Органический национализм и парамилитарные движения, приверженность этническим и политическим чисткам и сейчас привлекают тысячи людей во всем мире, толкая их к якобы «идеалистическим», а на деле кровавым и бесчеловечным действиям против соседей и политических оппонентов, именуемых «врагами» [3. С. 15]. Вместе с тем принципиальный методологический вопрос для нас — проблема взаимосвязи либерализма и фашизма, рассматриваемая в современной политологии как весьма реальная. Либерализм предшествует фашизму и генетически, и семантически. «Либерализм является старейшей и наиболее распространенной сегодня версией евроцентристского расизма... Либерализм именно в своих идейных корнях, в своей теоретической матрице, в своей базовой теории является расистским политическим течением уже потому, что берет за аксиому тезис о том, что (европейская = универсальная) цивилизация лучше, чем варварство, а варварство лучше, чем дикость, и дальше применяет расистскую схему к анализу различных социально-политических систем и построению исторического нарратива [9. С. 282]».

Идеал бесконечного прогрессизма объединят как фашизм, так и либерализм. «Современный либерализм, отчасти благодаря своей догматической интеллектуальной амнезии, сохраняет близость к фашистским идеям благодаря значительной роли прогрессивизма в его формировании [10. С. 436]».

С этой точки зрения нет ничего удивительного в том, что базовые смыслы фашизма родились в самой развитой либерально-демократической стране капитализма. Факты заимствований нацистами американских моделей очевидны, особенно в расовом вопросе. «Нацисты проявляли постоянный, значительный и порой даже излишний интерес к американскому примеру расового законодательства. Они определенно были заинтересованы в том, чтобы учиться у Америки... Как это ни парадоксально, нацисты порой отвергали американский пример потому, что считали американскую практику слишком жестокой; для нацистов начала 1930-х годов, даже самых радикальных, американский расовый закон иногда выглядел чересчур расистским» [11. С. 17–18].

Прямые «переключки» расовой теории германских нацистов и американских либералов проявляются в концепции «жизненного пространства». «Нацисты были поглощены стремлением расширить «жизненное пространство» для Германии за счет захвата территорий на Востоке, и «для

поколений германских империалистов, как и для самого Гитлера, примером для подражания являлись Соединенные Штаты Америки». С точки зрения нацистов, Соединенные Штаты стояли в одном ряду с Британией как «представители белой расы и строители великой империи»: и те и другие были «нордическими» государствами, «предпринявшими эпическую программу завоеваний» [11. С. 22].

Расовый взгляд на народы в США — это практика не только прошлого, но и современности. «Соединенные Штаты также находились на переднем крае создания разновидностей де-юре и де-факто гражданства второго сорта для чернокожих, филиппинцев, китайцев и других, что тоже представляло немалый интерес для нацистов, занимавшихся созданием разновидностей гражданства второго сорта для евреев Германии» [11. С. 26].

Примеров взаимных симпатий американских либералов и фашистов достаточно. США для гитлеровцев были образцом социального устройства, рассматривались как «могущественное, богатое и созидательное общество». «Особенно трудно стало противостоять очарованию Америки в течение столетия, начавшегося с 1918 года. Как отмечали немецкие расисты межвоенного периода, Соединенные Штаты вышли из Первой мировой войны «главной мировой державой» [11. С. 19], — отмечает Д. Уитмен.

Гитлеровских нацистов привлекали американские достижения в евгенике, в стремлении улучшить человеческую природу. «В своей книге 1994 года „Нацистская общность: евгеника, американский расизм и немецкий национал-социализм“ историк Стефан Кюль сенсационным образом продемонстрировал наличие активного общения между американскими и нацистскими евгениками до конца 1930-х гг., причем нацисты даже рассматривали Соединенные Штаты как „пример“» [11. С. 23].

Привлекательным для германских нацистов был и расизм, возведенный в США на уровень государственной политики. «Еще в 1928 году Гитлер с восхищением разглагольствовал о том, как американцы „перестреляли миллионы краснокожих, сократив их численность до нескольких сотен тысяч, и теперь держат эти скромные остатки под наблюдением в клетке“» [11. С. 23].

«Именно основанное на расе американское иммиграционное законодательство восхвалял Гитлер в своих трудах, что, как ни странно, отрицается американскими правоведами [11. С. 26]».

«Вирт в своей книге „Народы в мировой истории“ (1934 г.) так описывал Америку для своих читателей на первых страницах: „Наиболее важным событием в мировой истории государств второго тысячелетия — вплоть до войны — стало основание Соединенных Штатов Америки, давшее сильнейшей толчок к борьбе арийцев за мировое господство“» [11. С. 41].

«Афроамериканцы подвергаются систематической дискриминации, получают неадекватное образование и жилье, а также полностью лишены экономических возможностей — американская мечта им недоступна. В основе этого лежит „расовое отношение белых американцев к чернокожим американцам“, — отмечает Стиглиц [6. С. 71].

Показательно, что феномен «черного расизма», или расизма наоборот, лишний раз доказывает распространенность и универсальность расистской духовной матрицы, делает ее универсальным языком политической коммуникации.

Расизм порождается глобализмом, мировой экономической системой капитализма. «Современный мир представляет собой единую систему, где есть центр и своя периферия. Диспаритеты качества жизни в соотношении центра и периферии колоссальные и имеют тенденцию к возрастанию. Центр системно проводит военные операции в странах периферии, вследствие которых, как показывает опыт последних лет, качество жизни в периферийной части мира падает до критического состояния. В мировом масштабе эта модель фашистская», — отмечает В. Багдасарян [4. С. 327].

Реинкарнации фашизма способствует и геополитический контекст противостояния Запада и Востока, Запада и России. В условиях геополитического противоборства фашизм оказался крайне востребованным.

«Выживание фашизма обеспечивалось жесткими требованиями противостояния Востока и Запада. Такая ситуация стала спасательным плотом для десятков тысяч нацистских преступников, получивших шанс избежать наказания, позволив сделать себя полезными инструментами в борьбе с коммунизмом. По иронии судьбы некоторые бывшие фашисты, поступившие на службу ЦРУ, позднее играли ведущую роль в неофашистских организациях, ненавидевших Соединенные Штаты. Одним из последствий мерзкого союза ЦРУ с ветеранами шпионской службы нацистов стало возрождение в Европе движения ультраправых экстремистов, свидетелями которого мы сегодня являемся. Его идеи уходят корнями в Третий рейх, а его передаточным звеном стали фашистские коллаборационисты, работавшие на американскую разведку» [8. С. 27].

«Сочетание невежества, беспамятства, а в некоторых случаях и политической симпатии позволило американским и европейским пособникам Третьего рейха занять видное и почетное место в Республиканской партии. Во многих случаях эти фашисты не раскаиваются в своем прошлом как враги Соединенных Штатов и сторонники нацистского геноцида. Ирония судьба заключается в том, что именно наша победа над Германией заставила связанные с СС группы бежать из своих восточноевропейских стран в некоторых случаях в США, и в последствии позволила бывшим врагам Соединенных Штатов влиять на американскую политику на самом высоком уровне» [12. С. 185].

Заключение

Подводя итоги обзора исследований по теме, можно констатировать, что современный фашизм — порождение глобализма и либеральной цивилизации, фаза ее существования. Смыслообразующим признаком неофашизма (или либерального фашизма) является идея антропологического неравенства,

проявляющаяся как в социальном аспекте, так и международных отношениях, определяемых по оси центр — периферия. Либеральный (демократический) фашизм — это следствие трансформации капиталистической системы, стимулируемой геополитическим противоборством Запада с «не западом», в частности с Россией. Внутренний контур либерального фашизма порождается «родимыми пятнами» капитализма: растущим социальным неравенством, усилением олигархических структур, обесцениванием демократических процедур и девальвацией самой природы феномена политического. Манипулирование сознанием со стороны властной элиты, а не реальная политическая конкуренция становится определяющим трендом в развитии политических систем. Насколько фашизация станет устойчивой тенденцией, судить пока сложно. Ближайшие годы будут определяющими в политической эволюции западного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
2. Fassin E. The neo-fascist moment of neoliberalism // Brave New Europe. 09.08.2018. URL: <https://braveneweuropa.com/eric-fassin-the-neo-fascist-moment-of-neoliberalism> (дата обращения: 13.05.2025).
3. Манн М. Фашисты. Социология фашистских движений. М. : Пятый Рим, Фонд «Историческая память», 2019. 592 с.
4. Багдасарян В. Фашизм и нацизм: вторая попытка. М. : Изд. дом «Тион», 2025. 672 с.
5. Ирхин Ю.В. Социум и политика в постмодернистском Зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. 2005. № 4. С. 136–160.
6. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль: прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М. : Альпина Паблишер, 2020. 430 с.
7. Шваб К. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики. М. : Эксмо, 2022. 352 с.
8. Ли М. Фашизм: реинкарнация. От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов. М. : Кучково поле, 2017. 512 с.
9. Дугин А.Г. Четвертый путь. Введение в Четвертую политическую теорию. М. : Академический проект, 2015. 683 с.
10. Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М. : Рид Групп, 2012. 512 с.
11. Уитмен Д. Американская модель Гитлера. СПб. : Питер, 2024. 272 с.
12. Беллант Р. Старые нацисты, новые правые и Республиканская партия. М. : Кучково поле, 2024. 240 с.

Информация об авторе:

Блохин Константин Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности РАН, Россия, 117335, Москва, ул. Гарибальди, д. 216 (ORCID: 0000-0002-1777-434X) (SPIN-код: 7642-5351) (e-mail: constantinos1@rambler.ru).